

26.00.01 Теология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2021-17-4-41-62

Д. В. Мухетдинов

Московский исламский институт, г. Москва,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ОЧЕРК ИСТОРИИ ТРАДИЦИИ ПЕРЕВОДОВ КОРАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В XIX– СЕРЕДИНЕ XX В.: ВЕХИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

МУХЕТДИНОВ Дамир Ваисович —

д-р теологии, ректор.

Московский исламский институт

(109382, Россия, г. Москва, пр. Кирова, д. 12);

директор Центра исламских исследований, проф.

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена истории развития традиции переводов Корана на русский язык с XIX в. и до перевода И. Ю. Крачковского. В работе рассматриваются обстоятельства создания данных переводов, их ключевые особенности и раскрывается значение для развития русскоязычной традиции перевода и интерпретации Корана. Особое внимание уделяется вопросу о важности изучения данных переводов Корана на русский язык в контексте развития отечественной традиции перевода Корана и российской исламоведческой школы. Задачей настоящего исследования является также привлечение российских и зарубежных исламоведов и корановедов к детальному изучению наследия русскоязычной традиции переводов Корана, а также к рассмотрению перспектив ее развития в XXI веке.

Ключевые слова: Коран, перевод Корана на русский язык в XIX–XX вв., история традиции переводов Корана на русский язык, российское корановедение.

Для цитирования: Мухетдинов Д. В. Очерк истории традиции переводов Корана на русский язык в XIX — середине XX в.: вехи и перспективы // Ислам в современном мире. 2021; 4: 41–62;

DOI 10.22311/2074-1529-2021-17-4-41-62

Статья поступила в редакцию: 01.10.2021

Статья принята к публикации: 01.12.2021

Введение

Настоящее исследование является продолжением серии наших публикаций, посвященных истории традиции переводов Корана на различные языки, в том числе — русский. Если первая часть нашего исследования была посвящена изучению истории традиции переводов Корана на славянские языки (в т. ч. русский) в Восточной Европе в XVI–XVIII вв.¹, то данная статья знакомит с историей переводов Корана на русский язык в XIX — середине XX в. Перед данным исследованием стоит несколько важнейших задач. Прежде всего оно призвано восполнить недостаток обзорных, референтных работ по истории переводов Корана на русский язык. К сожалению, практически полное отсутствие публикаций подобного рода свидетельствует о том, что тема не занимает надлежащего ей места в культурном самосознании русскоязычного интеллектуального и духовного пространства. Иными словами, традиция перевода Корана на русский язык в недостаточной степени осознается как таковая и сообразно важности ее духовной роли, которую поистине трудно переоценить.

Из этого следует вторая задача настоящего исследования — привлечь внимание российских и зарубежных корановедов и исламоведов к изучению традиции истории переводов Корана на русский язык и в первую очередь к детальному изучению самих переводов — как старинных, так и новейших. Без такого рода научной и культурной рефлексии, осуществляемой не только отдельными, разрозненными исследователями, но и *научным сообществом в целом*, развитие традиции переводов Корана на русский язык во многих отношениях является немислимым. Отсюда, наконец, следует еще одна, завершающая по смыслу задача данного исследования: на основании произведенного на этих страницах исторического анализа традиции переводов Корана на русский язык наметить перспективы её развития в XXI веке (эта тема будет подробнее рассмотрена в будущей работе, посвященной обзору новейших переводов Корана на русский язык, выполненных в постсоветский период).

Работа состоит из трех частей: в первой излагаются вехи истории переводов Корана на русский язык в XIX столетии, во второй — говорится

¹ Мухетдинов Д. Очерк истории традиции переводов Корана на славянские языки в интеллектуальном пространстве Восточной Европы XVI–XVIII вв.: Речь Посполитая, царство Русское, Российская империя // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 3. С. 45–82.

о переводе Корана за авторством И. Ю. Крачковского (начиная с конца 80-х гг. XX в.), а в заключительной — подводятся итоги исторического рассмотрения и анализируются ключевые особенности развития традиции перевода Корана на русский язык в изучаемый период.

Переводы Корана на русский язык, выполненные в XIX веке

В XIX в. было создано три перевода Корана на русский язык. Самый ранний из них был выполнен российским переводчиком К. Николаевым¹ и увидел свет в 1864 году. О личности переводчика практически ничего не известно, но весьма вероятно, что он был связан с кругами славянофилов. В основе данного перевода лежит французский перевод А. де Биберштейна-Казимирского. Ввиду того, что перевод на русский язык осуществлен на высоком уровне, характеристики русского издания близки таковому французского перевода (см. выше). Данный перевод ввиду простоты своего стиля снискал широкую популярность у читающей российской публики и в значительной степени способствовал знакомству российского общества с исламом. Перевод выдержал многочисленные переиздания — в 1865, 1876, 1880 и 1901 годах².

Другая пара переводов, выполненных в XIX в., вышла в свет в одно десятилетие. Несмотря на то, что оба перевода были выполнены напрямую с арабского языка, их судьба сложилась совершенно по-разному. Речь идет о переводах российских востоковедов Дмитрия Николаевича Богуславского (1826–1893) и Гордия Семеновича Саблукова (1804–1880) — столь же разных, сколь и их создатели; первый из переводов датируется приблизительно 1871 г., а второй — 1878 годом.

Начнем наше изложение с перевода Д. Н. Богуславского, а точнее — с обстоятельств жизни переводчика, без понимания которых установить подлинное место данного памятника в российской культуре не представляется возможным. Итак, Д. Н. Богуславский — крайне примечательная и, к сожалению, почти неизвестная фигура истории российского востоковедения XIX в. О его жизненном пути известно немного³. Он был профессиональным военным. В 1841 г. окончил Михайловское артиллерийское училище, после этого находился на военной службе. В 1848 г.

¹ Коран Магомеда / пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского; пер. с фр. К. Николаева. М., 1864.

² Коран Магомета. Новый перевод, сделанный с арабского текста М. Казимирским, переводчиком при французском посольстве в Персии / пер. с фр. А. Николаева. Новое изд., пересмотр., испр. и доп. новыми примеч. М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901.

³ Далее биографические сведения даются в соответствии с работой: *Крачковский И. Ю.* Перевод Корана Д. Н. Богуславского // Советское востоковедение. М.—Л., 1945. Т. 3. С. 293–301.

поручик Богуславский был упомянут среди офицеров артиллерийской части, расквартированной в г. Тарусе (Калужская губерния).

Служба молодого офицера, по-видимому, проходила успешно, поскольку она была отмечена его начальством. В первой половине 1850-х гг. Д. Богуславский служил в Варшаве при наместнике государя в Царстве Польском князе Михаиле Горчакове. По его поручению молодой офицер осуществлял сбор материалов по истории Крымской войны 1853–1856 гг. Возможно, именно тогда Д. Богуславский проявил серьёзный научный интерес к исламскому миру.

Уже будучи в звании полковника, в 1856 г. Д. Богуславский был переведен на службу в Санкт-Петербург. Находясь в столице, он активно занимался самообразованием, приобрел солидную востоковедческую подготовку и смог экстерном закончить курс факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Декан факультета, выдающийся отечественный востоковед член-корреспондент Петербургской академии наук А. Казембек назвал Д. Богуславского «достойным ориенталистом».

Д. Богуславский снискал славу крупнейшего знатока Востока в военной среде. Поэтому 17 сентября 1859 г. он был прикомандирован к имаму Шамилю, пленённому фельдмаршалом А. Барятинским 26 августа того же года. По сообщению И. Ю. Крачковского, «как хорошо знакомому с языком Шамиля и восточными нравами», ему поручались «все распоряжения по пребыванию Шамиля в Москве и Санкт-Петербурге»¹, а затем его конвоирование на постоянное место жительства в Калугу².

Д. Богуславский успешно справился с возложенной на него задачей, организовав приём почётного пленника в Санкт-Петербурге и Москве, после чего 10 октября 1859 г. прибыл с ним в Калугу. Он оставался при Шамиле ещё целых два месяца. За это время между русским офицером и имамом установились настолько дружеские и доверительные отношения, что последний глубоко сожалел по причине отъезда Д. Богуславского в конце 1859 года³. Д. Богуславский и Шамиль поддерживали своё общение и в дальнейшем — об этом, в частности, свидетельствует их переписка.

В период между 1862 и 1870 г. Д. Богуславский служил драгоманом — официальным переводчиком при дипломатических представительствах

¹ Крачковский И. Ю. Перевод Корана Д. Н. Богуславского. Т. 3. С. 294.

² Там же.

³ «После переезда Шамиля в Россию и интернирования его в Калугу Богуславский в 1859 г. был назначен первым приставом к нему благодаря хорошему владению арабской речью. В арабских воспоминаниях лиц, окружавших Шамиля, равно как и в письмах последнего, сохранились трогательные детали, которые говорят о том, насколько тесная дружба объединила пристава с его поднадзорным и насколько хорошо Богуславский владел не только языком, но и всеми условностями бытового уклада горцев-мусульман». См.: Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. V. М.–Л., 1958. С. 96.

и консульствах в странах Востока — в Министерстве иностранных дел. Он часто бывал в Османской империи, а с 1870 г. занимал должность первого драгомана российского посольства в Константинополе. В период службы в Константинополе востоковедческие штудии Д. Богуславского значительно углубились. Его деятельность была очень разносторонней: он активно занимался переводами на русский и французский языки произведений арабской, персидской и турецкой литературы, в т. ч. и религиозного содержания. Например, он перевел на русский язык популярную арабскую антологию «Сорок хадисов».

Взаимоотношения Д. Богуславского с исламским миром не ограничивались одними только книгами. Он активно общался с жившими в Константинополе общественными и литературными деятелями. В числе собеседников Д. Богуславского был персидский общественный деятель, просветитель, публицист и дипломат Мирза Малком-хан (1833–1908), который, помимо прочего, в 1864 г. представил своему русскому другу свой проект реформы арабского алфавита. В дружеский круг Д. Богуславского также входил знаменитый арабский поэт Ризкалла Хассун (1823–1878), который был первым переводчиком басен И. Крылова на арабский язык. О дружбе между выдающимися интеллектуалами эпохи свидетельствует обнаруженный в 20-е гг. XX в. в библиотеке Ленинградского Восточного Института экземпляр сборника басен Крылова в переводе Хассуна, изданный в Лондоне в 1867 году. Книга была подписана стихотворным автографом переводчика, который был посвящён лично Д. Богуславскому. По возвращении на Родину Богуславский получил звание генерал-лейтенанта и в дальнейшем проходил службу в Военно-учебном комитете Главного Штаба.

По всей видимости, работа над переводом Корана осуществлялась преимущественно в константинопольский период жизни Д. Н. Богуславского, поскольку рукопись перевода датирована маем 1871 года. Первая часть рукописи озаглавлена «Коран, с арабского переведённый генералом Д. Н. Богуславским». Она содержит сам перевод Корана, переписанный набело на 418 листах большого формата. Текст содержит большое количество правок, сделанных автором в разное время и свидетельствующих о том, что работу над этим переводом Богуславский продолжал также и в последующие годы, уже находясь в России. Вторая часть, объем которой составляет 56 листов, озаглавлена как «Комментарии к переводу Корана Д. Н. Богуславского». Важно отметить, что тексту перевода было предпослано предисловие автора, в котором повествуется об обстоятельствах создания перевода и его ключевых особенностях.

По словам Д. Н. Богуславского, «перевод этот не предназначался к печатанию. Живя долгое время на Востоке и занимаясь в свободное от службы время мусульманской литературой, я начал перечитывать внимательно Коран, делать из него выписки и переводить самые трудные

и тёмные места, пользуясь комментариями мусульманских учёных. Это меня заинтересовало, и я незаметно перевёл почти весь Коран. Возвратясь в Россию, я узнал, что существует русский перевод Корана, но не с подлинника, а с французского перевода Казимирского. Взяв этот последний перевод и начав его сличать с подлинником, я заметил большие отступления и неточности, а в некоторых местах Корана смысл перевода был даже прямо противоположен смыслу арабского подлинника... Это дало мне мысль окончить мой перевод и дополнить его комментариями и объяснительными примечаниями, взятыми исключительно из мусульманских источников»¹.

При переводе Д. Н. Богуславский прибегал к помощи трактата под названием «Мевакиб» за авторством турецкого богослова Измаила Фарух-эфенди, изданного в Константинополе в 1870 году. Также переводчик был знаком и с европейскими трудами по востоковедению.

По оценке И. Ю. Крачковского, перевод Д. Н. Богуславского (подобно переводу Г. С. Саблукова, о котором пойдет речь ниже) не столько доносит до читателя смыслы Корана как таковые, а их интерпретацию некоторыми мусульманскими богословами. Разница между этими двумя переводами состояла в том, что Г. С. Саблуков опирался на комментарии Корана, использовавшиеся у казанских татар, тогда как Богуславский — на толкования, составленные турецкими богословами. По мнению И. Ю. Крачковского, данный подход к переводу Корана был тем не менее оправдан уровнем научных знаний того периода. Перевод Корана на русский язык, целиком опирающийся на достижения не только традиционной мусульманской, но и европейской научной мысли, не будет создан даже в XX веке, и до сих пор его создание остается важнейшей задачей для российского корановедения. В предисловии к изданию Д. Н. Богуславского не сказано, на основе какого издания оригинального текста был выполнен перевод. Наиболее вероятно, что это могло быть одно из казанских изданий, либо лейпцигское издание Г. Флюгеля, вышедшее в 1834 году.

Несмотря на серьезную для неспециалиста языковую и исламоведческую подготовку, Д. Н. Богуславский всё же не был профильным ученым в данной области, и в том числе по этой причине его труд не смог избежать ряда недочетов. На них впоследствии указывал И. Крачковский. В качестве примера приведем один из них: при переводе истории о царе Соломоне и царице Савской название птицы «хухуд», т. е. «удод», было передано словом «кукушка».

Несмотря на справедливую критику, уровень издания Д. Н. Богуславского в целом соответствует уровню переводов Корана, издаваемых в то

¹ Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. С. 297–298. Говоря о русском переводе Корана, Д. Богуславский имел в виду популярный перевод К. Николаева, о котором уже упоминалось выше.

время — в том числе и получившего широкое распространение первого русского академического перевода Корана за авторством Г. С. Саблукова. По замечанию И. Ю. Крачковского, «безукоризненным перевод Богуславского назвать нельзя, однако отсюда было бы ошибочно заключать, что он хуже какого-либо перевода, существовавшего в его время в пределах поставленных им задач. Своей основной цели — дать представление о понимании Корана в мусульманских кругах поздних эпох — он достигает вполне»¹.

К огромному сожалению, перевод Д. Н. Богуславского так и не был опубликован, и на протяжении долгого времени он оставался совершенно неизвестным российскому читателю. В 1897 г., через четыре года после смерти генерала, его вдова передала рукопись перевода в Императорскую Академию наук, обратившись с ходатайством об её издании на средства академии.

Видный российский востоковед-арабист В. Розен, внимательно ознакомившись с трудом Д. Богуславского, пришел к выводу о нецелесообразности его издания академией и в качестве аргумента сослался на то, в 1878 г. был издан перевод Г. Саблукова. При этом он заметил, что «перевод генерала Богуславского отличается крупными достоинствами и в общем не уступает переводу Саблукова... Поэтому нельзя не признать весьма желательным, чтобы нашёлся издатель для перевода генерала Богуславского»².

Увы, но издателя для перевода Корана Д. Н. Богуславского в то время так и не нашлось. В итоге рукопись затерялась и в течение тридцати лет оставалась без внимания. И только в 1928 г. она была обнаружена и внимательно проанализирована И. Ю. Крачковским. Впервые перевод был издан только в 1995 году³ тиражом всего в 100 экземпляров (издание было выполнено с использованием очень дорогих материалов, в результате чего оно было попросту не доступно значительной части потенциальной аудитории). К сожалению, в России данный перевод более не издавался. Примечательно, что он неоднократно издавался в Турции издательством «Çağrı Yayınları» в 2001, 2004, 2005, 2007, 2012 и 2013 годах⁴. Выбор перевода Д. Богуславского для издания был мотивирован тем, что «он является прямым переводом с арабского оригинала и содержит резюме всех существующих тафсиров»⁵.

¹ Крачковский И. Ю. Перевод Корана Д. Н. Богуславского // Советское востоковедение. Вып. III. М.–Л., 1945. С. 300.

² Там же. С. 296.

³ Коран. Перевод и комментарии Д. Н. Богуславского. М.: Восточная литература; СПб: Петербургское востоковедение, 1995.

⁴ Коран. Istanbul: Çağrı Yayınları, 2013.

⁵ Там же. С. IX.

Также упомянем, что турецкий издатель отмечает расхождения перевода с каирским изданием: «Экземпляр Корана, который был взят Д. Богуславским за основу перевода, количеством и нумерацией стихов (айатов) в некоторых сурах не соответствует Корану, допущенному сегодня к изданию во всем исламском мире. Для того чтобы данное несоответствие не приводило к путанице и чтобы текст перевода полностью отражал Коран, нумерация айатов и их количество в одиннадцати сурах (№ 7, 8, 9, 26, 27, 45, 47, 71, 74, 78, 101) приведены в порядок в соответствии с общепринятыми нормами»¹. Добавим, что издание снабжено указателями, а также вышло в свет в современной, а не дореформенной орфографии (но с сохранением оригинальной транскрипции арабских слов).

На этом мы переходим к рассмотрению знаменитого перевода Корана за авторством Г. С. Саблукова, увидевшего свет в 1878 году под заглавием «Коран, законодательная книга мохаммеданского вероучения»². В 1879 году была опубликована вторая часть работы под названием «Приложение к переводу Корана», содержащий комментарий к текстам. В 1894 г. было опубликовано второе, сводное издание³. Затем перевод неоднократно переиздавался. До революции — в 1896 и 1907 гг., а затем в 1986, 1989, 1990 и 1991 годах. Также в 1993 году в Египте в свет вышло репринтное издание перевода.

Знаменитый российский исламовед, языковед и переводчик Гордий Семенович Саблуков родился в 1804 г. недалеко от Уфы в семье православного священника. В 1826 г. он окончил Оренбургскую духовную семинарию, а в 1830 г. — Московскую духовную академию, получив ученую степень кандидата богословия. После окончания обучения Г. С. Саблуков преподавал в Саратовской духовной семинарии древнееврейский язык и историю, а также начал изучение татарского и арабского языков, пользуясь грамматикой татарского языка А. А. Троянского и хрестоматией по арабскому языку профессора Болдырева. Он достиг столь заметных успехов в учебе, что уже к 1837 г. был назначен преподавателем татарского языка в семинарии.

Г. С. Саблуков отличался невероятной эрудицией и трудолюбием; по этой причине семинарское и епархиальное начальство возлагало на него множество разнообразных поручений. Так, в 1841 г. Г. С. Саблуков был приглашен к работе над усовершенствованием калмыцкого букваря, составленного священником Дилигенским на основании работ известного знатока монгольского языка профессора Казанского университета

¹ Коран. С. Х.

² Коран, законодательная книга мохаммеданского вероучения / пер. с араб. Г. С. Саблукова. Казань, 1878.

³ Коран, законодательная книга мохаммеданского вероучения / пер. и прил. к пер. Г. С. Саблукова. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1894.

А. В. Попова¹. Примерно в то же время саратовский протоиерей Иаков привлек Г. С. Саблукова к изучению древних артефактов, найденных близ старейших городищ Золотой Орды в Нижнем Поволжье. В том числе Г. С. Саблуков занимался изучением и описью старинных монет. Примечательно, что вскоре он приобрел такие познания в нумизматике, что к нему стали обращаться профессионалы в этой области. В 1843–1844 гг. известный историк А. В. Терещенко был направлен Министерством народного просвещения на раскопки на месте г. Сарая (Царев). Он не владел ни татарским, ни арабским языками, и поэтому Г. С. Саблуков стал его руководителем. Г. С. Саблуков делился с А. В. Терещенко ценными сведениями по истории Кипчакской орды, старинного быта татар и восточной нумизматике.

Г. С. Саблуков преподавал историю и восточные языки в Саратовской духовной семинарии до 1849 года. После этого он был вызван в Казань для участия в работе переводческого комитета при Казанской духовной академии². Одновременно с этим он был назначен в Академию преподавателем греческого языка и преподавателем татарского языка в духовную семинарию. Коллеги Г. С. Саблукова по Саратовской семинарии в знак своего уважения и расположения преподнесли ему в дар кубок, выполненный из драгоценных металлов, на котором был выведен девиз: «Смирение. Терпение. Труд. Дружба» на татарском, арабском, еврейском и персидском языках. В этих словах коллеги Г. С. Саблукова запечатлели главнейшие духовные качества, присущие личности ученого.

Авторитет Г. С. Саблукова был не менее значительным и в академических кругах. Приведем в качестве примера следующее свидетельство:

«В Казани Березиным было начато издание “Библиотеки восточных историков”, первый том которой вышел в 1849 г. <...> Предприятие Березина не было единоличным; в нем своим переводом Абулгази принял участие такой ученый, как Г. С. Саблуков, ...в 1844 г. напечатанный “замечательное”, как оценивал его Березин в 1850 г., исследование о “внутреннем состоянии Кипчакского царства”...»³

Приведем еще одно примечательное свидетельство о Г. Саблукове:

«Ученые-татары изумлялись его знанию мусульманства и его праведной жизни, а некоторые из них считали его даже тайным мусульманином, уверяя, что нельзя так хорошо знать их закон, не будучи мусульманином. Татары называли Саблукова Гордей-бабай (дедушка), и он пользовался между ними большой любовью и известностью

¹ Подробнее о данном букваре см. работу: Баянова А., Сибгатуллина Р. Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. № 1. С. 90–104.

² Записки Миссионерского общества. Вып. III. СПб., 1867. С. 86–106.

³ Бартольд В. В. И. Н. Березин как историк // Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 747.

не только в городе, но и далеко в окрестностях, куда он предпринимал иногда летом прогулки пешком, чтобы потолковать с каким-нибудь муллой»⁴.

Свидетельства такого рода демонстрируют, что Г. С. Саблуков заслужил признание в качестве человека, обладающего как выдающимися научными способностями, так и неординарными духовными качествами. Кроме того, российский исламовед прославился и за пределами Российской империи:

«...знания его приобрели известность даже в мусульманских кругах, далеких от России, а иногда расцветались своеобразными легендами. Саблуков никогда не покидал пределов своей родины, однако в стамбульском органе старотурецкой печати “Бысаре” около 1874 г. появилась статья, в которой сообщалось, что профессор Петербургского университета Саблуков под видом мусульманина когда-то путешествовал по Турции, Египту, Аравии и Бухаре, откуда и вынес близкое знание ислама»⁵.

Вплоть до своего ухода в отставку в 1862 г. Г. С. Саблуков преподавал арабский, татарский и греческий языки. Характерным является отзыв о Г. С. Саблукове одного из бывших его учеников в Казанской духовной академии — профессора Аристова:

«Гордий Семенович был отличным знатоком восточных и классических языков. Он преподавал у нас греческий язык замечательным образом. Каждое слово, каждое выражение выяснял путем сравнительной филологии, сообщал громадную массу сведений историко-этнографических, литературных, бытовых и археологических. Вообще его приемы преподавания можно считать образцовыми, да вдобавок и поучиться у него было чему. Он постоянно для объяснения византийских писателей прибегал к восточной литературе и указывал их взаимную связь. Он был полным олицетворением идеала ученого мужа, образцом необычайного трудолюбия, высокой честности и святой жизни»⁶.

Однако после ухода в отставку Г. Саблуков не оставил своих научных и духовных поисков, а, напротив, получил возможность отдавать им все свои силы. Центральным делом последних двух-трех десятилетий жизни ученого был перевод Корана на русский язык.

«В Казани у Саблукова окончательно сформировался научный интерес к исламоведению. Особенно плодотворной стала его исламоведческая деятельность после ухода в отставку, когда ученый полностью посвятил себя исследованию и переводу Корана. Если даже допустить,

⁴ Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 12.

⁵ Крачковский И. Ю. Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков // Избранные сочинения. Т. I. М.–Л., 1955. С. 222.

⁶ Русский биографический словарь. Т. 18. СПб., 1904. С. 12.

что Коран как исторический источник заинтересовал Саблукова только в период работы в Казани, то и тогда получается, что исследователь посвятил изучению этого источника около 30 лет. Можно даже считать это делом его жизни»¹.

Итак, перевод Корана Г. С. Саблукова вышел в свет в 1878 г., за два года до смерти ученого. Он умер в Казани 29 января (10 февраля) 1880 г. Русский ученый рассматривал Коран в качестве важнейшего первоисточника по истории ислама, как памятник духовной культуры человечества первостепенного значения и, наконец, как величайший памятник арабской литературы, обладающий удивительными языковыми характеристиками. Подход Г. С. Саблукова к переводу Корана представлял собой для того времени уникальное, знаковое явление в отечественной историографии².

Труд Г. С. Саблукова заслужил массу положительных отзывов и при этом часто становился объектом критики, в особенности в XX в., когда коранические исследования значительно продвинулись вперед и перевод, выполненный по последнему слову науки XIX в., перестал в полной мере удовлетворять новейшим требованиям. Так, о переводе положительно отзывались такие корифеи отечественной арабистики, как В. Р. Розен и И. Ю. Крачковский. Но с течением времени недостатки перевода становились все более заметными. Например, с точки зрения филологической надежности перевод содержит многочисленные неточности, скрадывающие смысл оригинального текста. Что касается стилистических характеристик перевода, то он перегружен архаизмами (возможно, что даже для своего времени в некоторых отношениях он звучит весьма старомодно), его выражения зачастую туманны, что затрудняет понимание текста. Другой недостаток перевода Г. С. Саблукова является родовым практически для всех переводов Корана, выполненных на европейские языки в XIX и нач. XX в., а именно систематическое следование устоявшимся еще в Средние века экзегетическим принципам, которые практически всюду морально устарели к первой половине XX века и которые в ряде случаев искажают смыслы Откровения³.

В силу названных причин перевод Г. С. Саблукова нельзя назвать надежным с современной точки зрения, поскольку на переводческие решения в значительной степени повлияли представления о Коране, основывающиеся главным образом на комментариях, использовавшихся

¹ История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. М., 1997. С. 36.

² Там же..

³ См. подробнее о зарождении и развитии этих принципов в нашей работе:

Мухетдинов Д. История традиции перевода Корана на испанский язык в XV–XX вв. в контексте процесса становления мультирелигиозной испанской идентичности // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 1. С. 27–58.

татарами-мусульманами. Несмотря на то, что эти комментарии представляют значительный теологический и научный интерес, база источников для современного надежного перевода Корана должна быть значительно шире. Кроме того, перевод изобилует специфической лексикой, которая происходит из христианской традиции и по преимуществу относится к церковнославянскому языку, запечатленному в переводах Библии и Евангелия. Подобного рода некритические лексические переносы могут наделить коранические аяты неуместными коннотациями.

Выше мы приводили положительные отзывы на перевод Г. С. Саблукова со стороны ведущих российских востоковедов. Однако будет справедливо привести и отрицательные отзывы. Так, по словам знаменитого востоковеда А. Е. Крымского (1871–1942),

«Саблуков старается быть мёртвенно-буквальным, так что во многих местах понять его нельзя, если не смотреть одновременно в арабский оригинал. Кроме того, в переводе Саблукова есть изрядное количество несомненных ошибок».

Также, по оценке известных советских арабистов В. И. Беляева и П. А. Грязневича, в переводе Г. С. Саблукова налицуют:

«...специфические выражения, присущие христианской литературе и возникшие в процессе переводов на русский язык Библии и Евангелия. Будучи закреплёнными в печатном переводе Корана, они могли вызвать у неподготовленного читателя ассоциации, далёкие от идеологии ислама, и создать искажённое представление об идейном содержании этого памятника».

Как бы то ни было, на протяжении почти столетия перевод Г. С. Саблукова был наиболее популярным переводом Корана на русский язык. В целом данный перевод со своими задачами справлялся успешно.

На этом мы завершаем наше рассмотрение истории традиции переводов Корана на русский язык, выполненных в XIX веке. Основной вывод, который можно сделать из нашего анализа, заключается в том, что ко второй половине XIX века уровень корановедческих и исламоведческих исследований находился на довольно высоком уровне, о чем свидетельствует наличие трех современных переводов Корана, два из которых были выполнены с арабского языка на достойном для своего времени филологическом уровне, и, с другой стороны, один популярный, удовлетворяющий запросам широкой читательской аудитории. Все это во многом позволило традиции переводов Корана на русский язык не только пережить сложнейший для всех российских религий XX век, но и в некоторых важнейших отношениях успешно развиваться, что позволило ей уже в конце XX — начале XXI в. перейти на качественно новый этап своего развития.

Традиция переводов Корана на русский язык в советский период: перевод Корана И. Ю. Крачковского

Раскроем следующую страницу истории традиции переводов Корана на русский язык — XX век. В этот период был создан первый в истории «научный» с современной точки зрения перевод Корана на русский язык за авторством великого российского и советского востоковеда, академика Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951)¹.

Его перевод Корана был издан в 1963 году, а второе издание вышло в свет 1986 году², однако перевод был задуман и претворялся в жизнь значительно раньше — уже начиная с 1920 года. Так, для издательства «Всемирная литература», созданного по инициативе А. М. Горького в 1919 г. с целью ознакомления широкого круга читателей с лучшими произведениями мировой литературы в новых переводах, выполненных на научной основе, требовался перевод Корана. Однако в список изданий Коран не вошел по причине того, что И. Ю. Крачковский осознавал огромную сложность этой задачи: «Соблазняет меня мысль о переводе Корана — и как-то жутко на ней остановиться»³.

С 1921/22 учебного года он начинает читать новый университетский курс под названием «Чтение Корана с научным комментарием», который он будет вести на протяжении многих лет. По сути, изданный впоследствии перевод Корана является результатом многолетнего проведения этих занятий. В ходе занятий И. Ю. Крачковский переводил суры Корана в соответствии с хронологией Т. Нельдеке. По прошествии большей части первого учебного года чтения курса он делает в дневнике следующую запись: «Писал... по мере лекций перевод Корана — закончил первый период»⁴.

Итак, ученый продолжал работать над переводом и в общих чертах смог завершить его уже к 1930 году. В 1934 году им было дано описание рукописи русского перевода Корана, впоследствии идентифицированного как подлинный перевод Постникова⁵. Возможно, что

¹ Далее биографические сведения о И. Ю. Крачковском даются согласно изданию: Долинина А. А. Невольник долга (Биография И. Ю. Крачковского). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.

² Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986.

³ Крачковский И. Ю. Дневник, запись от 9 мая 1920 г. См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 285.

⁴ Крачковский И. Ю. Дневник, запись от 16 апреля 1922 г. См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 300.

⁵ Крачковский И. Ю. Русский перевод Корана в рукописи XVIII в. // Избранные сочинения в 6 томах. М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1955. Т. 1. С. 175–181.

О переводе Корана Постникова см. подробнее в нашей работе: Мухетдинов Д. Очерк истории традиции переводов Корана на славянские языки в интеллектуальном пространстве Восточной Европы XVI–XVIII вв.: Речь Посполитая, царство Русское, Российская империя // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 3.

данная находка подтолкнула ученого еще раз обратиться к переводу Корана. Следует помнить о том, что перевод осуществлялся в рамках университетского курса. Курс был рассчитан на один учебный год, по 2 часа занятий в неделю. Очевидно, что нельзя прочесть со студентами весь текст Корана за столь короткое время. Потому обычно на занятиях читались все ранние суры (т. н. «поэтические»), несколько сур рахманских и пророческих, и лишь иногда И. Ю. Крачковский обращался к одной из мединских. Схема занятий повторялась из года в год. По этой причине перевод тех сур, которые чаще остальных фигурировали на занятиях, выполнен на высоком уровне, а переводы многих сур, особенно поздних, к которым могли вообще обращаться лишь единицы, так и оставались, по сути, в состоянии черновики.

Лишь в 1963 г. благодаря титаническим усилиям вдовы академика — В. А. Крачковской (1884–1974) перевод был опубликован Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука», причем в сопровождении комментаторского аппарата и различных приложений, среди которых — описание материалов И. Ю. Крачковского, использованных при подготовке издания, а также несколько конспектов лекций по Корану. Издание было подготовлено вдовой ученого, а также востоковедом П. А. Грязневичем. Редактором перевода выступил востоковед В. И. Беляев. Текст перевода был опубликован без значительных изменений; исправлениям подверглись мелкие опечатки, а также были унифицированы варианты передачи имен собственных. Изданию было предпослано предисловие, написанное В. И. Беляевым и П. А. Грязневичем. Ко второму изданию 1986 г. было написано еще одно предисловие, на этот раз — только П. А. Грязневичем¹. Данные предисловия примечательны в том отношении, что в них был дан подробный научный анализ переводческого начинания И. Ю. Крачковского.

Говоря о подходе И. Ю. Крачковского к переводу Корана, в первую очередь нужно отметить, что в своей основе он является именно научным, филологическим. И. Ю. Крачковского интересовал Коран в первую очередь как выдающийся и, по сути, главный памятник арабской литературы, созданный в определённой среде в определённую эпоху с использованием приёмов словесного искусства, привычных в этой среде. Данный подход отвечал переднему краю гуманитарной науки того времени. Избранный И. Ю. Крачковским герменевтический метод предполагает, что при истолковании текста Корана внимание будет направлено прежде всего к самому тексту в его взаимосвязи с контекстом — языковым, эстетическим, социальным и, наконец, духовным, — религиозным и идеологическим фактам, задававшим

¹ Грязневич П. А. Предисловие ко второму изданию // Коран. Переводы и комментарии И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. С. 3–14.

ментальное пространство Аравии первой половины VII в. н. э. Для этого И. Ю. Крачковский осуществляет процедуру деконструкции унаследованных от Средневековья «догматических оград» (термин М. Аркуна), препятствующих фундаментальной, всесторонней и неангажированной интерпретации текста.

Данная методологическая установка являлась для своего времени передовой, и ее разделяли далеко не все ученые. Даже во второй половине XX в., когда взятые на вооружение И. Ю. Крачковским методологические принципы должны были, казалось бы, укорениться в гуманитарных науках, перевод вызвал шквал критики: упреки в стилистической непоследовательности, смутности выражений. Многими экспертами и читателями эти характеристики текста были отнесены на долю незавершенности изданного архивного труда. Однако нам следует понимать, что названные характеристики перевода, в отличие от возможных и более справедливых упреков в стилистических шероховатостях и заметной в некоторых местах «сырости» текста, должны быть отнесены на счет фундаментальной парадигмы перевода, взятой на вооружение И. Ю. Крачковским. К сожалению, эти методологические принципы не эксплицировались И. Ю. Крачковским напрямую — например, в виде специально сформулированной теории. Но многие из этих герменевтических основоположений разделялись многими ведущими учеными той эпохи, и потому они были замечательным образом отражены в соответствующих фундаментальных исследованиях.

Применительно к Корану эти позиции были сформулированы в работе «Чтения Корана» («Lectures du Coran») французским мыслителем и исламоведом Мухаммадом Аркуном. Среди прочего М. Аркун формулирует принцип, согласно которому в ходе истолкования текста Откровения должен прежде всего иметься в виду изначальный момент произнесения Корана Мухаммадом умме¹. Поэтому спросим: в какой мере можно спрашивать о понятности айта Корана его первым слушателям? Нет никаких сомнений в том, что многие аспекты текста, относившиеся к конкретным жизненным реалиям эпохи, современникам были доступнее, нежели нам; однако этого нельзя сказать о всей глубине смысла Откровения. Напротив, как засвидетельствовано в самом Коране, процесс постижения коранических истин для многих людей был труден и тернист, и далеко не всегда его послание воспринималось современниками адекватно.

Итак, именно к этой аутентичной, подлинной новизне нас в ряде случаев приглашает перевод И. Ю. Крачковского. Несмотря на известные недостатки данного перевода, именно он впервые позволил

¹ См. подробнее: Аркун М. Чтение суры ал-Фатиха // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. № 4. 2019. М.: ИД «Медина», 2020. С. 263–292.

русскоязычному читателю ясно узреть, почувствовать подлинное величие и цветущую сложность текста Корана. Однако стоит заметить, что при выполнении перевода И. Ю. Крачковский не стремился передать ритмический строй Корана. При этом отклик ритмики коранической прозы слышен в подчеркнутой лаконичности перевода, отсутствии лишних слов — тех, которых в подлиннике нет и которые переводчики столь часто добавляют для улучшения читаемости текста. Особенно ярко эта черта проявляется в переводах ранних сур Корана, которыми И. Ю. Крачковский уделил больше внимания.

Востоковед П. А. Грязневич в предисловии ко 2-му изданию перевода дал следующую характеристику труду И. Ю. Крачковского, которая во многом солидарна с нашей:

«Время показало, что эта публикация была обоснованной и принесла несомненную пользу нашей востоковедной науке. Научное значение её... определяется филологической точностью передачи арабского текста и новизной методического подхода... Этот перевод является и будет служить надёжной основой для всех будущих русских переводов Корана. Подход И. Ю. Крачковского к переводу сохраняет свою ценность по сей день как... единственный возможный путь к адекватному истолкованию памятника»¹.

С данной оценкой солидарны и другие ведущие российские исламоведы. Так, Е. А. Резван отмечает, что «по характеру подхода к тексту и филологической точности труд И. Ю. Крачковского превосходит не только все русские, но и многие европейские переводы»².

В свою очередь, М. Б. Пиотровский высказался о переводе И. Ю. Крачковского следующим образом:

«Перевод И. Ю. Крачковского является научным и в понимании текста исходит из самого Корана, а не из его более поздних комментариев. Последние, как неоднократно показывалось исследователями, дают связное и доходчивое истолкование истинного текста, но часто искажают (в разной степени) его начальный смысл»³.

Перевод И. Ю. Крачковского получил положительные отзывы также и от авторов переводов Корана на другие европейские языки. Так, знаменитый польский арабист Юзеф Белявски (1910–1997) в предисловии к своему переводу Корана на польский язык отзывается о переводе И. Ю. Крачковского как о «необычайно точной и филологически аккуратной работе»⁴. Не менее лестный отзыв о труде И. Ю. Крачковского дал автор нового перевода Корана на болгарский язык Иваном Добре-

¹ Грязневич П. А. Предисловие ко второму изданию. С. 10.

² Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

³ Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991. С. 168.

⁴ Koran. Z Arabskiego Przełożył i komentarzem opatrzył Józef Bielawski. Warszawa: PIW, 2007.

вым. В предисловии к своей работе переводчик заявляет, что, помимо собственно арабского оригинала, он опирался на «ценный русский перевод И. Ю. Крачковского в качестве единого синтезирующего труда (...) — высочайшее достижение западной и российской арабистики»¹.

Тем не менее перевод И. Ю. Крачковского не может служить теологически выверенным русскоязычным изданием Корана. Для этого он должен был быть завершен и учитывать доктринальные коннотации, однако сегодня — спустя почти 100 лет после его создания — вмешательство в текст И. Ю. Крачковского выглядит неоправданным. Перевод И. Ю. Крачковского может быть охарактеризован и рекомендован к ознакомлению в первую очередь в качестве *фундаментальной научной работы по переводу текста Корана*.

Заключение: вехи и перспективы

На этом мы завершаем наше рассмотрение истории традиции переводов Корана на русский язык. Из него может быть сделано несколько основных выводов. Во-первых, традиция переводов Корана на русский язык уходит корнями вглубь веков, и ее возникновение может быть датировано по меньшей мере XVI веком. Она зародилась и развивалась в тесном взаимодействии с интеллектуальным и культурным пространством Восточной Европы, в котором значительную роль играли литовские и российские мусульмане, духовное и интеллектуальное наследие которых представлено в многочисленных источниках, сохранившихся до наших дней. Это делает ее одной из старейшей в Европе, причем ее важнейшей чертой, отличающей ее от большинства европейских традиций, является то, что она является нативной, т. е. зародившейся именно в среде мусульман. Интеллектуальное наследие восточных славян, литовских и московских татар во взаимодействии с новейшими достижениями европейского исламоведения, активно зарождавшегося в XVII в., позволило уже на рубеже XVII–XVIII вв. создать довольно высококачественные для своего времени полные переводы Корана².

Во-вторых, несмотря на все тяжелейшие испытания, которые выпали на долю России и российской мусульманской общины в XIX–XX вв., традиция переводов Корана на русский язык продолжала активно развиваться, пестовать свою самобытность, что позволило ей уже в XIX в. стать

¹ Священный Коран. Съдържание на български език от проф. д-р. Иван Добрев. София: Българска Мултимедийна Компания, 2009.

² См. обоснование данных выводов в нашей работе: Мухетдинов Д. Очерк истории традиции переводов Корана на славянские языки в интеллектуальном пространстве Восточной Европы XVI–XVIII вв.: Речь Посполитая, царство Русское, Российская империя // Ислам в современном мире, 2021. Т. 17. № 3. С. 45–82.

неотъемлемой частью российской культуры и науки, и сохранять этот статус на протяжении веков — даже в советский период, когда мусульмане подвергались жестоким гонениям. Это позволило расцвести традиции переводов Корана на русский язык уже в новейший период российской истории, когда религиозная свобода стала неотъемлемым правом каждого гражданина и все традиционные российские конфессии были на самом высоком уровне признаны незыблемыми основами идентичности российского народа. В результате всего за три с небольшим десятка лет в свет вышло по меньшей мере полтора десятка переводов Корана на русский язык, а суммарное количество изданий значительно больше (этому вопросу будет посвящена следующая работа, тематически и хронологически продолжающая настоящую статью).

В-третьих, наследие переводов Корана на русский язык должно стать объектом всестороннего научного исследования. К сожалению, в русскоязычной и зарубежной научной литературе данной теме уделяется крайне мало внимания, что является совершенно неадекватным с точки зрения огромной важности обсуждаемого феномена с религиозной, научной, общественной и литературной точек зрения. Выражаем надежду, что как современные, так и будущие исследователи обратят свое внимание на наследие традиции перевода Корана на русский язык — отсутствие трезвой и обоснованной критики имеющихся переводов затрудняет создание новейших, поскольку именно критические научные публикации являются важнейшей основой как для пересмотра, переиздания и осмысления существующих переводов, так и создания новых.

Литература

Koran. Z arabskiego przełożył i komentarzem opatrzył Józef Bielawski. Warszawa: PIW, 2007. 972 p.

Аркун М. Чтение суры ал-Фатиха // Исламская мысль: традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. 2019. № 4. М.: ИД «Медина», 2020. С. 263–292.

Бартольд В. В. И. Н. Березин как историк // Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 737–756.

Баянова А., Сибгатуллина Р. Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. № 1. С. 90–104.

Долинина А. А. Невольник долга (биография И. Ю. Крачковского). СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 464 с.

Записки Миссионерского общества. Вып. III. СПб., 1867. С. 86–106.
История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. М., 1997. 536 с.

Коран Магомеда / пер. с араб. на фр. А. Биберштейна-Казимирского; пер. с фр. К. Николаева. М., 1864. 588 с.

Коран Магомета. Новый перевод, сделанный с арабского текста М. Казимирским, переводчиком при французском посольстве в Персии / пер. с фр. А. Николаева. Новое издание, пересмотренное, исправленное и дополненное новыми примечаниями. М.: Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1901. 588 с.

Коран, законодательная книга мохаммеданского вероучения / пер. с араб. Г. С. Саблукова. Казань, 1878. 542 с.

Коран, законодательная книга мохаммеданского вероучения / пер. и прилож. к пер. Г. С. Саблукова. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894. 542 с.

Коран / пер. и коммент. Д. Н. Богуславского. Istanbul: Çağrı Yayınları, 2013. 864 с.

Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. 727 с.

Коран / пер. и коммент. Д. Н. Богуславского. М.: Восточная литература; СПб.: Петербургское востоковедение, 1995. 576 с.

Крачковский И. Ю. Дневник, запись от 16 апреля 1922 г. См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 300.

Крачковский И. Ю. Дневник, запись от 9 мая 1920 г. См.: Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 285.

Крачковский И. Ю. Перевод Корана Д. Н. Богуславского. Советское востоковедение. М.–Л., 1945. Т. 3. С. 293–301.

Крачковский И. Ю. Русский перевод Корана в рукописи XVIII в. // Избранные сочинения: в 6 т. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 1. С. 175–181.

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. V. М.–Л., 1958. С. 7–192.

Крачковский И. Ю. Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков // *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. I. М.–Л., 1955. С. 213–224.

Мухетдинов Д. В. История традиции перевода Корана на испанский язык в XV–XX вв. в контексте процесса становления мультирелигиозной испанской идентичности // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 1. С. 27–58.

Мухетдинов Д. В. Очерк истории традиции переводов Корана на славянские языки в интеллектуальном пространстве Восточной Европы XVI–XVIII вв.: Речь Посполитая, царство Русское, Российская империя // Ислам в современном мире. 2021. № 3. С. 45–82.

Коранические сказания. М.: Наука, 1991. 219 с.

Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 608 + 1 л. ил. Т. 18. СПб., 1904. 675 с.

София: Българска мултимедийна компания, 2009. 536 с.

References

- Koran. Z arabskiego przełożył i komentarzem opatrzył Józef Bielawski* [The Qur'an, Polish translation] (2007). Warszawa: PIW. 972 p.
- Arkun M. (2020). Chtenie sury al-Fatiha [Reading Al-Fatiha]. *Islamskaya mysl': tradiciya i sovremennost'. Religiozno-filosofskij ezhegodnik*. Vol. 4. 2019. Moscow: Medina. Pp. 263–292.
- Bartol'd V. V. (1977). I. N. Berezin kak istorik [I. N. Berezin as Historian]. *Sochineniya*. Vol. 9. Moscow. Pp. 737–756.
- Bayanova A., Sibgatullina R. (2020). Materialy o kalmykah iz fonda 10 «Kazanskaya duhovnaya akademiya» v Gosudarstvennom arhive Respubliki Tatarstan [Materials on Kalmyks from the Fund 10 “Kazan Orthodox Religious Academy”, State Archive of the Republic of Tatarstan. *Mongolovedenie*. Vol. 1. Pp. 90–104.
- Dolinina A. A. (1994). *Nevol'nik dolga (Biografiya I. Yu. Krachkovskogo)* [The Prisoner of Duty (I. Yu. Krachkovsky's Biography)]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 464 p.
- Zapiski Missionerskogo obshchestva*. Vyp. III. [Notes of the Missionary Society. Iss. 3] (1867). Saint Petersburg. Pp. 86–106.
- Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 g.* [The History of Russian Oriental Studies from the Middle 19th Century up to 1917] Moscow. 536 p.
- Koran Magomeda. Per. s arab. na fr. A. Bibershtejna-Kazimirskogo. Per. s fr. K. Nikolaeva*. [The Qur'an, translated from French into Russian] (1864). Moscow. 588 p.
- Koran Magometa. Novyj perevod, sdelannyj s arabskogo teksta M. Kazimirskim, perevodchikom pri francuzskom posol'stve v Persii. Per. s franc. A. Nikolaeva. Novoe izdanie, peresmotrennoe, ispravlennoe i dopolnennoe novymi primechanijami* [The Qur'an, translated from French into Russian, new revised edition] (1901). Moscow: Izdanie knigoprodavca M. V. Klyukina.
- Koran, zakonodatel'naya kniga mohammedanskogo veroucheniya. Per. s arab. G. S. Sablukova. [The Qur'an, Legislative Book of the Mohameddanism] (1878). Kazan. 542 p.
- Koran, zakonodatel'naya kniga mohammedanskogo veroucheniya. Perevod i prilozheniya k perevodu G. S. Sablukova*. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Universiteta, 1894. 542 c.
- Koran. Perevod i kommentarii D. N. Boguslavskogo* [The Qur'an] (2013). Istanbul: Çağr Yayınlar. 864 p.
- Koran. Perevod i kommentarii I. Yu. Krachkovskogo* [The Qur'an] (1986). Moscow: Nauka. 727 p.
- Koran. Perevod i kommentarii D. N. Boguslavskogo* [The Qur'an] (1995). Moscow: Vostochnaya literatura. 576 p.

Krachkovskij I. Yu. (1945). Perevod Korana D. N. Boguslavskogo [D. N. Boguslavsky's Russian Qur'an Translation]. *Sovetskoe vostokovedenie*. Moscow. Vol. 3. Pp. 293–301

Krachkovskij I. Yu. (1955). Russkij perevod Korana v rukopisi XVIII v. [The Russian Qur'an Translation from the 18th Century Manuscript]. *Izbrannye sochineniya v 6 tomah*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Pp. 175–181.

Krachkovskij I. Yu. (1955). Chernyshevskij i orientalist G. S. Sablukov [N. Cherkhyshevskiy and Orientalist G. Sablukov] *Izbrannye sochineniya v 6 tomah*. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Pp. 213–224.

Krachkovskij I. Yu. (1958). Oчерки по истории русской арабистики [An Outline on History of Russian Arabic Studies]. *Izbrannye sochineniya v 6 tomah*. Vol. 5. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Pp. 7–192.

Mukhetdinov D. V. (2021). Istoriya tradicii perevoda Korana na ispan-skij yazyk v XV–XX vv. v kontekste processa stanovleniya mul'tireligioznoj ispanskoy identichnosti [The History of the Tradition of Translation of the Qur'an into Spanish in the XV–XX Centuries in the Context of the Process of Establishment of a Multi-Religious Spanish Identity]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 17. Iss. 1. 2021. Pp. 27–58.

Mukhetdinov D. V. (2021). Oчерк истории tradicii perevodov Korana na slavyanskije yazyki v intellektual'nom prostranstve Vostochnoj Evropy XVI–XVIII vv.: Rech' Pospolitaya, Carstvo Russkoe, Rossijskaya Imperiya [The Slavic Qur'an Translation of the 16th–18th Centuries: Poland and Russia]. *Islam v sovremennom mire*. Vol. 17. Iss. 3. 2021. Pp. 45–82.

Piotrovskij M. B. (1991). *Koranicheskie skazaniya* [The Qur'anic Legends]. Moscow: Nauka. 219 p.

Rezvan E. A. (2001). *Koran i ego mir* [The Qur'an and Its World]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 608 p. + 1 image.

Russkij biograficheskij slovar' [The Russian Biographical Dictionary] (1904). Vol. 18. Saint Petersburg. 675 p.

Svyashteniyat Koran. Sederzhanie na bolgarski ezik ot prof. d-r. Ivan Dobrev [The Qur'an, Bulgarian translation] (2009). Sofiya: Bolgarska Multimediina Kompaniya. 536 p.

THE HISTORY OF RUSSIAN QUR'AN TRANSLATIONS (19TH CENTURY — MIDDLE 20TH CENTURY)

Abstract. This article is devoted to the history of the tradition of translations of the Qur'an into Russian from the nineteenth century to the translation by I. Yu. Krachkovsky. The article examines the background to the creation of these translations, their key features and their importance for the development of the Russian tradition of translation and interpretation of the Qur'an. Particular attention is paid to the importance of studying these translations of the Qur'an into Russian in the context of the development of the Russian tradition of Qur'anic interpretation and the Russian school of Islamic studies. The purpose of this study is also to attract Russian and foreign Islamologists and Qur'anologists to a thorough study of the heritage of the Russian tradition of Qur'anic translation and to consider the prospects of its development in the twenty-first century.

Key words: Qur'an, translation of the Qur'an into Russian, history of the tradition of translation of the Qur'an into Russian, Russian-speaking Qur'anic studies.

Damir V. MUKHETDINOV,

D. Sci. (Theol.), rector,

Moscow Islamic Institute

(12, Kirova Lane, Moscow, 109382, Russian Federation);

professor, head of Centre of Islamic Studies,

Saint Petersburg State University

(11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).

E-mail: dmukhetdinov@gmail.com

